

Георгий
МОСЕШВИЛИ

ИЗБРАННОЕ

Георгий Ираклиевич Мосешвили

Л. А. Пименова

Избранное. Том I

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18695938

Избранное. Том I: Стихи. Статьи. Эссе. Радиопередачи: ПРОБЕЛ-2000;

М.; 2014

ISBN 978-5-98604-447-7

Аннотация

Поэт, переводчик, литературовед, журналист Георгий Мосешвили занимался историей русской эмиграции, подготовил комментарии к трехтомнику Георгия Иванова, мемуарам Нины Берберовой «Курсив мой»... Переводил французских поэтов. При жизни выпустил единственный сборник своих стихов – «Неизвестность». В посмертный двухтомник вошли его дневники, интервью, письма, стихи: «Над миром городов/ Небесный град стоит./ Есть земли облаков/ Над облачной землею./ За веру темных снов/ Господь меня простит...»

Содержание

Предисловие	9
От составителя	26
Из ранних стихов	29
Забытые истины	29
Часть 1. Зеркала	29
I. Вступление («Вереница восьмистиший – словно стая жёлтых листьев...»)	29
II. «Мне, которого нет безродней...»	30
III. «Кто не писал о звёздах и Луне...»	31
IV. Посвящение Рембрандту	31
V. «На моём столе раскрыта книга...»	32
VI. «Я знаю человека, которому всегда везёт...»	33
VII. «Каллиграфическим почерком...»	33
VIII. Максиму Блоху	34
Часть 2. Стихи к неизвестной	35
I. «Сожжённая в огне с еретиками...»	35
II. «Я слуга царевны Несмеяны...»	35
III. «Я верую в страну...»	36
IV. «Безумный бред любви слепой и нежной...»	37
V. «Милая, зачем же в сновиденье...»	37
VI. «Бессмертья нет? О, как я был	38

неправ!...»	
VII. «Мне кажется, Вы можете взлететь...»	38
VIII. «Синего неба нежный пожар...»	39
Часть 3. Вчерашний день	40
I. «Солнечная, светлая, святая...»	40
II. «Мне странно жить в безоблачной тоске...»	41
III. «Где светлый Бог, в которого ты веришь?..»	41
IV. «Шут,ними дурацкий свой колпак...»	42
V. «Оставь свои мечты, школяр неугомонный...»	42
VI. «Не гадайте о Грядущем, о Прошедшем не жалеите...»	43
VII. «Дай им счастья, Иисус Христос!..»	44
VIII. «Юноша – поэт, паяц печальный...»	44
Неземная радуга	46
Вступление	46
I. Чёрный	47
II. Красный	48
III. Золотой	49
IV. Серебряный	50
V. Голубой	51

VI. Лиловый	51
VII. Белый	52
Посвящения друзьям	54
Сонет	54
Максиму Блоху	55
Марине Абрамовой	55
Лоре Светлице	56
Евгению Нестерову[3]	57
Прощание	58
Дон Жуан	60
I. «Здравствуй... я люблю тебя... прощай...»	60
II. «Право, это слишком странно...»	61
III. «Лунный путь привёл меня к тебе...»	62
IV.[4] «Восторженность уходит от меня...»	62
V. «Вереница милых лиц...»	63
VI. «Что же делать, девочка! Луна...»	64
VII. «Здравствуй, я люблю тебя, прощай...»	64
Забутые восьмистишия	66
I. «Царевна Несмеяна умерла...»	66
II. Немон[5]	66
III. «Бейте в набат, христиане!...»	67
IV. «Я верю: завтра будет новый день...»	67
V. «Вот мнения о сущности примет...»	68
VI. «Мне снилась смерть любимого	69

создания...»	
VIII.[6] «Я превращу весь мир в волшебный сад...»	69
IX. «...И за все признанья на бумаге...»	70
X. «Демонизм бушующей стихии...»	71
XI. «Я выдумал тебя, царица Несмеяна...»	71
XII. «Вам, враги мои, вам, коими гоним...»	72
XIII. «Я – маг, превращающий в чёткие строчки...»	72
XIV. «Люди из Сегодня! К вам храня...»	73
XV. «Ты мне чужда, прекрасная страна...»	74
Георгий Немон	75
I. Элегия для Алейникова	75
II. Письмо к моему костюму[7]	77
III. Памяти Манделштама	79
IV. Nemo N	80
V. Елена, нарцисс и зеркало	81
VI. «Ветер. Ветер над городом листьев...»	83
VII. «Я хотел бы говорить языком...»	84
VIII. Nature Morte	85
IX. «Давайте говорить о чём-нибудь простом...»	86
X. Письмо к Катулле	87
XI. Отрывок из поэмы	88
XII. Элегия устья реки	90
XIV.[16] Баллада о Британии	91

XV. Сожжённая элегия	93
XVI. Тени	93
XVII. Нарцисс	94
XX.[17] Хемингуэю	95
XXI. «Что там толку в ваших бреднях...»	96
XXII. Марина Цветаева	97
XXIII. Новогодняя элегия	98
XXIV. Элегия к прекрасной Елене	99
XXV. «Господа иудеи, гвардейцы и древние греки...»	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Георгий Мосешвили
Избранное. Том
I: Стихи. Статьи.
Эссе. Радиопередачи

© Л.А. Пименова, 2014

© В.Э. Молодяков, предисловие, 2014

© ПРОБЕЛ-2000, 2014

Предисловие

«И сердце выбирает неизвестность...»

(поэт Георгий Мосешвили)

Прижизненная, а нередко и посмертная известность писателя определяется отнюдь не только его дарованием, но степенью вовлеченности в «литературный процесс», участия в литературской жизни, пусть даже неофициальной или маргинальной. Неучастие в общих «играх», неподчинение законам «тусовки» чреваты молчаливым непризнанием, игнорированием и забвением вне зависимости от таланта «неприкнувшего». По-настоящему выдающиеся произведения все равно дойдут до читателя и получают признание, но позже, чем могли бы и чем хотелось бы. Как написал поэт Сергей Спасский:

*Посмертная слава приходит по праву,
Как после рассвета сияние дня...*

...

*И так и должно быть... Но все же как пусто,
Что нету при этом его самого.*

Сказанное в полной мере относится к поэтическому

наследию Георгия Ираклиевича Мосешвили (17.11.1955 -19.02.2008). Его широко знали как радиожурналиста – автора передач о современной европейской и американской музыке (в основном о джазе, блюзе, кантри и классическом роке) и о поэзии первой и второй волн Русского Зарубежья. В литературных кругах он был известен как знаток, исследователь и публикатор поэтов русской эмиграции и как переводчик французской поэзии, но оставался в тени «мэтров». За этим укрылось главное – оригинальные стихи, изредка появлявшиеся в печати и только однажды собранные в книгу с символичным названием «Неизвестность» (1997). Многочисленные поклонники музыкальных эфиров «дяди Гоши», как его звали люди разных возрастов и пристрастий, возможно, не подозревали, что он пишет стихи. Литераторы относились к ним с холодком, потому что... не читали их, а сам автор «пробивными способностями» не обладал. Так он и остался бы «неизвестным поэтом» конца XX века, маленькой точкой на пестрой литературной карте. Настоящее собрание исправляет эту несправедливость. Вот только обидно, что «нету при этом его самого».

Георгий Мосешвили родился и прожил всю жизнь в Москве: большую часть – на Смоленском бульваре, последние годы – в Коньково, не считая периодических, но кратковременных поездок по тогдашнему Советскому Союзу – от Таллинна до Коктебеля, а когда позволили условия, и в Европу. Он чувствовал себя если не «человеком мира»,

то европейцем («кроме грузинской, русской, украинской и французской, во мне течет и польская кровь») и «русским западником», как назвал одно из программных стихотворений. Выросший в художественной среде с высокими интеллектуальными и духовными запросами, в которой «советское» молчаливо не принималось – точнее, не воспринималось (читайте фрагменты его юношеских дневников во втором томе), Георгий Ираклиевич в равной степени считал родными себе русскую и французскую поэзию, английскую и немецкую музыку.

*Мы кажемся беспечными – другим.
Мы, как святыню, боль в груди храним.
В родной стране – чужие навсегда —
Мы вечно ждём последнего суда...
Нас высылают, гонят и клянут
За то, что мы не лжём, когда все лгут,
За то, что правды горькие слова
Неправы там, где ложь всегда права.*

Героев он выбирал сам, не следуя моде и влиянию среды, но учась у старших: так было с художником В.И. Яковлевым, знакомым его родителей Ираклия Арчиловича и Тамары Адриановны. В русской поэзии Мосешвили больше всего любил Серебряный век, причем в пост-символистской фазе – Волошина, Мандельштама, Цветаеву, Георгия Иванова, проложившего для него путь к «парижской ноте», осо-

бенно к ценимому им Анатолию Штейгеру. Во французской поэзии, которую отлично переводил «для себя», предпочитал «проклятых поэтов» и современный шансон (иронизируя над употреблением этого слова в постсоветской России). Классический рок виделся ему слиянием музыки и поэзии, почему он решительно не принимал «хэви-метал», не говоря о рэпе и хип-хопе. Разносторонне начитанный и «наслушанный», он любил музыку и литературу близких к нам эпох – второй половины XIX и всего XX вв., не считая советский официоз ни «современным», ни «искусством».

Мировосприятие и творчество Мосешвили можно назвать «асоветским»: он не полемизировал с окружавшим его миром, не выступал против, разве что иронизируя, а просто игнорировал как нечто не заслуживающее внимания. Неудивительно, что в молодости на него оказала влияние культура хиппи, причем воспринятая глубоко, – начиная со святого Франциска Ассизского, которого он, будучи по вероисповеданию католиком, особенно почитал. Живую связь с русским Серебряным веком (многим представителям которого св. Франциск тоже не был чужд) Георгий Ираклиевич ощущал через встречи с М.С. Волошиной и М.Н. Изергиной в Коктебеле, где регулярно бывал, с А.И. Цветаевой, позднее с И.В. Одоевцевой. Проучившись несколько лет на романо-германском отделении МГПИ (ныне МГПУ), он в 1978 г. ушел оттуда «по собственному желанию, совпавшему с мнением начальства», как пояснил в одном из интервью. От-

ветственное решение было принято сознательно, ибо к тому времени Георгий Ираклиевич состоялся как поэт и как творческая личность. В интеллектуальном и духовном плане он повзрослел очень рано, в житейском – до конца жизни воспринимал многие вещи, а порой и вел себя «как ребенок». Переход в ряды «дворников и сторожей» означал службу кинемехаником в школе: «никто лучше враждующего с техникой Мосешвили не умел на радость детям растянуть 10-минутный фильм на весь урок», – чернорабочим в Доме архитектора и чтецом в Центральной библиотеке для слепых, где он проработал 11 лет, читая вслух книги людям, лишенным зрения. «Там я научился не бояться микрофона, – вспоминал Мосешвили, от природы обладавший красивым голосом и превосходной дикцией, – а самое главное, в годы позднего застоя было трудно найти лучшую “крышу”, чем ЦБС. Что я только ни читал слепым! Бывало, берешь софроновский “Огонек”, а читаешь Гиппиус, Мережковского или вообще “самиздат”».

Георгий Мосешвили, по его словам, писал стихи с детства. Наиболее ранние из сохранившихся в семейном архиве датированы 1972 г. Если им порой недостает оригинальности, то с технической точки зрения они почти безупречны: автору всегда была мила акмеистическая точность. В 1976 г. он впервые собрал свои опыты в книгу «Забутые истины», представив в выходных данных машинописи: издательство «Харон». Помимо серьезного, литературского – в лучшем смыс-

ле слова! – отношения к текстам, на «типографскую» публикацию которых рассчитывать не приходилось, следует отметить внимание автора к композиции книги, в чем влияние поэтов Серебряного века сказывается не меньше, чем в стилистике и содержании стихов. Из стихотворений Мосешвили тщательно выстраивал циклы, из циклов – сборники, и это было присуще ему всегда.

Небольшие по объему циклы «Неземная радуга», «Посвящения друзьям», «Дон Жуан» и «Забытые восьмистишия» отразили короткий и насыщенный период стремительного «взросления» Мосешвили-поэта, завершившийся книгой «Бумажный Парфенон», на титульном листе которой стоит псевдоним «Георгий Немон». Ее не отнести к «ювенилиям», которые интересны читателю только в силу личности автора, а не достоинств написанного. «Бумажный Парфенон» можно считать полноценной дебютной книгой, дающей право на место в литературе, если судить не мерками «литпроцесса», но по «гамбургскому счету». Тогда не столь важно, сколько тысяч или десятков человек ее прочитали. Несколько стихотворений из нее Мосешвили позднее включил в «Неизвестность» и в последний сборник «Стихи из времени», работу над которым не успел завершить.

Могло ли что-то из этих стихов быть напечатано в СССР тогда, в конце семидесятых? Если судить только по текстам, думаю – да, хотя «непроходных» заведомо больше. Если же обратиться к «контексту»... Дело было не только в цензу-

ре и идеологическом контроле – в конце концов, печатались стихи не только про Ленина и партию. Публикации, точнее, необходимые для этого усилия предполагали взаимодействие с литературной средой, воззрения и нравы которой не вызывали у автора иллюзий. Путь в печать для «недоучившегося студента» (коим, по советским меркам, был Мосешвили) открывался только через литкружки или литобъединения, где сложившемуся и ценившему свою работу мастеру предстояло тягостное соседство амбициозных дилетантов и графоманов. Не пошел он и по «диссидентской» стезе: не передавал рукописи за границу, не писал рассчитанные на резонанс антисоветские стихи, не пытался добиться признания в среде андерграунда обеих столиц, хотя дружески общался с В.Д. Алейниковым, В.Б. Кривулиным и А.Т. Драгомощенко. Георгий Ираклиевич «выбрал неизвестность», оставшись поэтом для нескольких десятков знакомых, читавших (и перепечатававших) его стихи и слушавших декламацию, в которой начисто отсутствовали пафосное актерство и «поэтическое» завывание.

«Символом веры» Мосешвили можно считать законченный в 1980 г. сборник «Празднество нищих, или Книга номинаций» под тем же псевдонимом «Георгий Немон». Речь, разумеется, о «нищих духом»: соответствующий стих из Евангелия от Матфея вынесен в эпиграф. Это многоплановое произведение задумывалось как первая часть трилогии «Грамматика времен», но две других не были написа-

ны. Продиктованное «желанием называть реальные предметы и абстрактные (в частности, религиозные) символы своими именами» и посвященное «отдающим земные блага ради небесных сокровищ и последние гроши ради стихов и музыки», «изгнанникам, верящим в свою правоту», «нищей элите человечества, которой держится мир, – мученикам веры, узникам совести и мастерам Игры в Бисер», «Празднество нищих» не могло быть напечатано или публично исполнено и даже «тянуло» на соответствующую статью, причем не столько за религиозную тематику, сколько за отношение к военной аванюре в Афганистане. Остается пожалеть, что оно не было опубликовано тогда, когда пали цензурные запреты, – Мосешвили-поэта оценили бы намного раньше.

Одухотворенное глубокой верой, «Празднество нищих» звучало все-таки оптимистически («да, мы счастливы нашей нищетой»), но во многих стихах первой половины восьмидесятых заметны пессимистические ноты – мучительное ощущение, что «застой» никогда не кончится. Георгий Ираклиевич не обольщался относительно «перестройки», иронизируя над робкими шагами ее проводников, но попробовал воспользоваться постепенным приходом свободы в литературную жизнь. В 1986 г. он собрал книгу «Из времени птиц» – в надежде на возможную публикацию хотя бы нескольких стихотворений – и отправил рукопись в журнал «Молодая гвардия». Почему именно туда? Явно не из симпатии к «линии» журнала и уровню публиковавшейся там

«литпродукции», а потому что этому изданию было положено работать с «молодыми поэтами» (как горько шутили в то время, «молодые – это те, кого не печатают»). Обращаться «с улицы» в любой «толстый» журнал было бесполезно. Полученный ответ всё расставил по местам: «Стихи Ваши прочитал с большим вниманием. Встречаются в них запоминающиеся строки, образы. Но, к сожалению, для редколлегии мне ничего отобрать не удалось: Вы не учли идейно-тематической направленности журнала. Нам, в первую очередь, необходимы стихи о дерзаниях современной молодежи, о событиях, вошедших в народную память. Кроме того, Вам не удалось продемонстрировать самобытного авторского голоса. В присланных стихах очень много обобщенно-умозрительных фрагментов и почти нет конкретных, живых деталей, которые украсили бы произведение. Рукопись возвращаем».

Это чуть больше, чем отписка. Если с первой частью: «Вы не учли идейно-тематической направленности журнала», – невозможно не согласиться, то вторая: «Вам не удалось продемонстрировать самобытного авторского голоса», – выглядит издевательством. Имя никтошки-литконсультанта не заслуживает упоминания. Отказ огорчил, но едва ли удивил Георгия Ираклиевича, который, несмотря на него, составил второй вариант книги. В 1988 г. его произведения, наконец-то, увидели свет в сборнике «Стихи этого года. Поэзия молодых», куда были приняты по рекомендации литерато-

ра и издательского работника В.А. Матусевича. Стихи понравились, и редактор книги сам предложил автору участвовать в следующем сборнике «Молодая поэзия 89», который вышел годом позже в том же издательстве «Советский писатель». Выступление «непримкнувшего» прошло незамеченным на фоне бурных публичных дебютов поэтических групп – «метаметафористов», известных в андерграунде и дождавшихся «легализации», и не-вполне-советских «почвенников». Трудно заметить нового поэта в похожих на «братскую могилу» сборниках, но дебют в печати состоялся, а последовавшее за этим разрешение выпускать книги за свой счет вселяло некоторую надежду.

«Перестройка» открыла Георгию Ираклиевичу возможность использовать свои знания в области запрещенной и полузапрещенной поэзии и выступать в качестве литературоведа и публикатора, хотя почти все его работы увидели свет в постсоветское время. К небольшому, но тщательно подобранному собранию поэзии Серебряного века на его полках прибавились десятки, а потом сотни поэтических сборников Русского Зарубежья, хлынувшие в СССР. Параллельно шло освобождение книг из «спецхранов». Разобраться в этом потоке было непросто, но Мосешвили вскоре свободно ориентировался в нем, благодаря обширным знаниям и тонкому вкусу. Е.В. Витковский привлек его к работе над четырехтомной (первоначально – двухтомной) антологией поэзии первой и второй волн Русского Зарубежья «Мы жили

тогда на планете другой», для которой Георгий Ираклиевич составил биографические справки обо всех участниках (сведения о многих впервые появились в печати на их родине) и примечания. Огромной отрадой для него была – поначалу казавшаяся чудом – возможность переписки с поэтами второй и даже первой волны, прежде всего с В.Ф. Перелешиним. Другой большой работой стало комментирование произведений Георгия Иванова для трехтомного собрания сочинений. Этому делу он отдался с жаром, испытав сильный творческий подъем. А пока книги готовились к печати, Мосешвили часто выступал на литературных вечерах, завораживая слушателей (свидетельствую по собственному опыту) своим чтением, в котором даже банальные стихи могли показаться очаровательными и значительными.

В конце восьмидесятых Георгий Ираклиевич, как многие чуткие и прозорливые люди, ощущал близость неминуемого краха Советского Союза как империи – надеялся на падение коммунистической диктатуры и в то же время страшился, что его могут сопровождать кровавые катаклизмы. Тогда он часто вспоминал Волошина – особенно стихи из «Усобицы». А 19–20 декабря 1989 г. написал, возможно, лучшее свое стихотворение:

*Вернись, вернись, – лепечет и хлопочет
Крылатая вещунья, ангел злой —
В тот город, где терпенье камень точит
И ночь рекой течёт по мостовой.*

Где первый снег сверкает в чёрных дырах,
Луна летит под флагом нищеты
И глухнут в однокомнатных квартирах
Поэзии невзрачные цветы.

Вернись, вернись, – она зовёт и плачет, —
В тот город, где у неба цвет знамён.
Где восковое стёклышко маячит
На улицах кривых. И нищий клён
Протягивает ветви к подворотне,
И снится постовым последний царь,
В подъездах черни дышится вольготней,
И вновь аристократов ждёт фонарь.

Да, я вернусь. Ты можешь быть спокойна.
И без твоей лукавой болтовни
Все эти церкви, тюрьмы, лица, войны,
Мой дом, мой век, все эти злые дни,
Людская зависть, Солнце, Божья милость,
Свобода, рабство, смерть, окно с огнём —
Всё это навсегда соединилось
В моей крови – и в городе моём.

Да, я вернусь. Ещё холодный ветер
Не вырвал с корнем дерево моё.
Но над Москвой-рекою на рассвете
Забвенья не приносит забытьё.
Цветёт могил таинственная местность —
От мёртвых не избавиться живым...

*И сердце выбирает неизвестность,
Во тьме которой рухнет Третий Рим.*

Есть затертое выражение: «достойно войти в самую строгую по отбору антологию поэзии». В данном случае так оно и есть – достойно.

Позже автор исправил последний стих, желая привести его в соответствие с изменившимися реалиями: «Тот тёмный мир, где рухнул Третий Рим», – и проставил дату «1991». Не берусь оспаривать авторскую волю, но и не могу принять замену, на мой взгляд, ослабившую стихотворение в поэтическом отношении и немного исказившую в историческом. Его сила – в том числе в удивительно точном отражении и сильном поэтическом переживании конкретного исторического момента, причем момента переломного или, как тогда говорили, судьбоносного. Рискую судить об этом как один из первых слушателей и читателей. Прошла четверть века, а я до сих пор не знаю лучшего стихотворения о том времени. Дорожил им и сам Георгий Ираклиевич, сделавший его финалом своей первой изданной книги «Неизвестность».

В конце 1991 г. в жизни Мосешвили произошла значительная перемена – его пригласили работать на радио, где оказались востребованы энциклопедические знания, умение вести беседу (слушателю казалось, что обращаются прямо к нему), артистизм и редкой красоты голос. Появилась возможность рассказать широкой аудитории о любимых поэтах

и музыкантах, возможность диалога с лично неизвестными людьми, которые узнали и полюбили «дядю Гошу» благодаря передачам «Эха Москвы», потом «Говорит Москва» и «Радио София». Однако собственная поэзия оставалась если не невостребованной, то не оцененной по достоинству. Не берусь судить, считал ли Георгий Ираклиевич ее главным в своей жизни, но в конечном итоге он был прежде всего поэтом, а литературоведение, переводы и радиожурналистика оставались приложением к стихам.

22 июля 1997 г. в Центральном доме художника на Крымском Валу в Москве состоялась презентация «Неизвестности». Происходящее напоминало концерт: во всяком случае, музыки звучало больше, чем стихов. Музыка была превосходной, но пишущему эти строки (я сидел в зале) было немного обидно за стихи. На книгу, выпущенную небольшим тиражом в маленьком издательстве, появилась всего одна рецензия – в нью-йоркском «Новом журнале». «Нетусовочный» и «непробивной» автор остался известен тем, кто и так знал его.

Во второй половине девяностых Мосешвили написал мало, но счастливые перемены в жизни дали ему мощный импульс: в самом конце девяностых и в «нулевые» появилось много новых стихов. Работая над ними и возвращаясь к старым, Георгий Ираклиевич начал составлять книгу, которую хотел назвать «Стихи из времени». Он так и не подготовил окончательный текст для печати (сохранилось несколько ва-

риантов, последний из которых приведен в настоящем издании), хотя охотно читал стихи из нее не только друзьям, но и публично – во время совместных выступлений с музыкантами. Поэтическая манера изменилась мало, разве что стало меньше риторики (в хорошем смысле) и больше мудрой умиротворенности (в наилучшем смысле). «Свидетель крушения империй», «невольный очевидец тёмных дел и современник нескольких поэтов» чувствовал себя «бедняком, что равен королю» и все чаще благодарил Бога за свою судьбу. Зоркости и иронии не убавилось. Полтора десятилетия назад он предвидел, как:

*...Радетели кондовые
Будут петь о славе нации...
А потом нахлынут новые
Волны русской эмиграции...*

Другое предсказание пока не сбылось, но задуматься стоит:

*Выходит странная оказия
И не случайная, наверное.
Боюсь, однажды Руссо-Азию
Постигнет участь Австро-Венгрии.
Орёл двуглавый там и тут.
Такие птицы не живут.*

Георгий Мосешвили умер очень рано, сделав в литературе далеко не всё, что мог бы, а сделанное не получило должного признания. Он любил комментаторскую работу, любил собирать и сопоставлять факты, любил полноту и точность информации, о чем говорят хотя бы его примечания и аннотированный именной указатель к мемуарам Нины Берберовой. Однако потенциал Мосешвили как историка литературы, критика и эссеиста остался не востребуемым, а его труды – не оцененными по достоинству. Он иронически отзывался о специалистах по «совлиту», которые, переключившись на Русское Зарубежье и прочие запретные темы, стремительно делали карьеру в новом качестве (сошлюсь хотя бы на его передачу «Возвращение Мюнхгаузена», название которой звучит настоящей музыкой), но сам не умел и не хотел «пробиваться», а писать «в стол» ему наскучило. Он сделал немало, но, читая его статьи и эссе на литературные темы, легко представить, что он мог бы сделать и чего мы лишились. Отрадно одно – стихи он всегда писал без оглядки на внешние обстоятельства, никогда и ничем себя не ограничивая.

В ночь на 7 ноября 2000 г. появилось короткое стихотворение «Эпитафия для Г.М.»:

*Жил. Любил. Пока хватало сил,
Что-то там писал и говорил...
Полу-журналист, полу-пиит,
Бога он теперь благодарит,*

*Что, хоть не был он любимцем муз,
Был в нём звёздный свет
И синий блюз.*

Он был очень скромным человеком, прекрасным поэтом
и настоящим другом.

Василий Молодяков

От составителя

При жизни Георгия Мосешвили было издано немного: одна книга стихов «Неизвестность» (1997) и отдельные публикации в журналах и сборниках. Между тем, он видел свои неизданные стихи не разрозненными, а объединенными в композиционно тщательно выстроенные книги. Причем одни и те же стихи могли несколько раз перетекать из одной составленной им рукописной книги в другую, если того требовали внутренняя структура и логика данной книги. Пришедшее ему новое стихотворение он сначала тщательно «обкатывал» в уме, а писал сразу почти набело, что хорошо видно по публикуемым автографам.

Последние годы жизни Георгий вынашивал замысел издания второй книги стихов. Он перепробовал разные варианты ее названия: «Письма из плена», «Простые слова», «Тень Клио», «Соединение»... Некоторые из этих вариантов впоследствии стали названиями отдельных глав. В настоящем издании последняя, незавершенная книга Георгия озаглавлена «Стихи из Времени», так как именно это название написано рукой автора на папке с рукописями стихов и другими подготовительными материалами к книге.

В двухтомник вошла большая часть написанных Георгием стихов. Не включены в него многочисленные ранние, почти совсем еще детские стихи; очень короткие, незаконченные

наброски – в одну-две строки – и сочинения, предназначенные исключительно для домашнего круга.

Не все стихи датированы. Георгий обычно ставил дату, если считал стихотворение законченным. Точно восстановить хронологическую последовательность недатированных стихотворений 1970-х – 1990-х гг. не представляется возможным, т. к. свои бумаги Георгий держал в творческом беспорядке. В книге они помещены в той, возможно, случайной, последовательности, в какой лежали среди рукописей Георгия. В публикуемых стихотворениях сохранены особенности авторской пунктуации.

Включенные в сборник тексты радиопередач относятся преимущественно к первым годам работы Георгия на радио (1990-е гг.), когда он, готовясь к эфиру, заранее записывал тексты своих программ на бумаге. Впоследствии он обычно ограничивался составлением подробного плана передачи, так что программы более позднего времени в большинстве своем сохранились (если сохранились) только в аудиоформате. Записи его литературных программ «Русская аргонавтика» можно послушать в аудио-архиве «Христианского церковно-общественного канала» на сайте www.radiosofia.ru, а записи музыкальных программ «Звёздная ночь с Георгием Мосешвили» (на радио «Говорит Москва») – на сайте www.beatles.ru.

Отточия, заголовки и даты, взятые в квадратные скобки, принадлежат составителю.

Этот двухтомник появился на свет благодаря помощи и советам А.Л. Лейкина и В.Э. Молодякова.

Из ранних стихов

Забывтые истины (восьмистишия) Стихи 1973–1976 гг.

Посвящается моему другу поэту Максиму Блоху

Издательство «Харон», 1976

Часть 1. Зеркала

I. Вступление («Вереница восьмистиший – словно стая жёлтых листьев...»)

Вереница восьмистиший —
 словно стая жёлтых листьев,
Занесённая случайно
 в нежный сад чужой весны.
Вереница восьмистиший —
 неразгаданные тайны,

Нерассказанные сказки,
неприснившиеся сны.

Вереница восьмистиший —
голоса забытых истин,
Темнота ночей бессонных
и светлеющий восток.

Вереница восьмистиший —
лёгкость слов воспламенённых,
Вереница озарений,
заключённых в восемь строк.

1976

II. «Мне, которого нет безродней...»

*Что же мне делать, слепцу и пасынку,
В мире, где каждый и отч и зряч*
Марина Цветаева

Мне, которого нет безродней,
Мне, которому Грусть – сестра,
Что мне делать в вашем Сегодня,
Если Родина мне – Вчера.

Если сердце мне не тревожит
Тайна вновь грядущего дня,
Если нет ничего дороже

Моей Родины для меня.

1973

III. «Кто не писал о звёздах и Луне...»

Льву Разному

Кто не писал о звёздах и Луне,
О смерти, о любви и об измене?
Но старые слова дороже мне
Иных, подчас бесценных откровений.

Но освещают звёзды и Луна
Печальный мир моих стихотворений,
И плачет лиры нежная струна
О смерти, о любви и об измене.

16.06.1976

IV. Посвящение Рембрандту («Мастер Рембрандт! Безвестный поэт...»)

Мастер Рембрандт! Безвестный поэт
Музыкой слов хотел передать
Пролитый на полотняную гладь

Ваших творений – волшебный свет.

Много столетьям подобных лет
Он неземные искал слова...
Но не постигнув язык волшебства,
Умер в нужде безвестный поэт.

1976

V. «На моём столе раскрыта книга...»

На моём столе раскрыта книга,
И течёт рекою время вспять.
Сколько лет уже мятежный
Игорь Собирает доблестную рать...

И в Путивле, радости не зная,
Уж который век, который год
Ярославна вечная, рыдая,
Проклинает Игорев поход.

1976

И толкователям снов».

Да, в тепле и уюте
Им не прожить вовек.
Ради тепла – забудьте
Сны, поэт Имярек.

25.02.1974

VIII. Максиму Блоху **(«В печальном небе был неясен свет...»)**

Я напишу тебе сонет
М. Б.

В печальном небе был неясен свет
Полночных звёзд над городом уснувшим.
А мне казалось – то мерцал сонет
В устах поэта светом звёздных кружев.

Свершалось чудо: дух нездешних снов,
Небесный дух сходил в земное тело.
И гимном золотых, янтарных слов
Сверкало небо и земля звенела.

1975

Часть 2. Стихи к неизвестной

*Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна*

А.С. Пушкин

I. «Сожжённая в огне с еретиками...»

Сожжённая в огне с еретиками,
Распятая с Иисусом на кресте,
Замученная в тюрьмах палачами
И преданная всеми и везде;

В венце терновом, с жаркими устами,
Из пепла возродившаяся вновь,
Воспетая и проклятая нами
Идёт по миру вечная Любовь.

1974

II. «Я слуга царевны Несмеяны...»

Я слуга царевны Несмеяны,
В чьих устах прекрасна тишина,

В чьих глазах – заоблачные страны,
Небо, звёзды, Солнце и Луна.

Все закаты, сказки и туманы,
Без которых мир уныл и пуст,
Я отдам, царица Несмеяна,
За одну улыбку Ваших уст.

1976

III. «Я верую в страну...»

Я верую в страну,
Где вещи говорят,
Где видят днём – Луну
И пьют, как воду, яд.

Там мифам нет конца.
И озаряет сны
Влюблённых – свет лица
Царицы той страны.

1976

IV. «Безумный бред любви слепой и нежной...»

Безумный бред любви слепой и нежной,
Моих стихов печальный фейерверк,
Бездонных глаз моих огонь мятежный,
Перед которым свет дневной померк,

Моё Вчера лилово-золотое,
Всё бывшее со мной в моей судьбе,
И веру в Бога – самое святое —
Я подарю когда-нибудь тебе.

1974–1976

V. «Милая, зачем же в сновиденье...»

Милая, зачем же в сновиденье
Сказочном являешься ты мне?
Как печально, после пробужденья
Вдруг понять, что ты была во сне!

Но как сладко о тебе молиться
В восходящем солнечном огне!
...Я тебе хотел бы тоже снится,
Если ты позволишь это мне...

1976

VI. «Бессмертья нет? О, как я был неправ!..»

Бессмертья нет? О, как я был неправ!
Вы молоды. Но сколько же столетий,
Тысячелетий сколько, смерть поправ,
Прекрасная волшебница, на свете

Вы прожили, то принимая лик
Лауры, Беатриче иль Елены,
То принимая смерть, чтоб через миг
Вновь возродиться из холодной пены.

1976

VII. «Мне кажется, Вы можете взлететь...»

Мне кажется, Вы можете взлететь
И в синем небе облаком растаять,
Иль, словно листьев золотая стая,
Сорваться прочь —
лишь только б не истлеть.

Мне кажется, Вы можете взойти
И на костёр – как на порог знакомый,

Часть 3. Вчерашний день

I. «Солнечная, светлая, святая...»

To Sunny Girl¹

Солнечная, светлая, святая...
Зелень глаз и золото волос.
Словно нежные снежинки, тают
На моих ладонях тени грёз.

Зрячие – мы оба стали слепы.
Ты? К другому? От меня?
Уйдёшь?
Как всё это глупо и нелепо!
Я не верю! Нет! Неправда!
Ложь!

1974

¹ Солнечной Девчонке (англ.) – псевдоним адресата цикла юношеских стихотворений (здесь и далее, где это особо не оговаривается, примечания составителя). В дальнейшем даются переводы слов и выражений с иностранных языков, кроме общеупотребительного английского. Переводы англоязычных выражений приводятся в тех случаях, если к ним даны комментарии.

II. «Мне странно жить в безоблачной тоске...»

Мне странно жить в безоблачной тоске,
В сиянии искусственных светил.
Так умирают строчки на листке,
Так судно без руля и без ветрил,

Познавшее всю ярость бурь морских,
Недвижимо на глади штилевой;
Так грохот боя, в отдаленье, тих;
И камни порастают так травой.

7-8.05.1976

III. «Где светлый Бог, в которого ты веришь?..»

To Flower People²

Где светлый Бог, в которого ты веришь?
Где девушка, которую ты ждёшь?
Зачем стучишься ты в чужие двери?
И где он – дом, в котором ты живёшь?

² Людям-цветам (англ.), хиппи.

Где та,
чей нежный взгляд ты вспоминаешь?
Куда? в какие земли ты идёшь?
Зачем ты молча опиум вдыхаешь?
И где тюрьма, в которой ты умрёшь?

1.03.1975

IV. «Шут,ними дурацкий свой колпак...»

Шут,ними дурацкий свой колпак,
Тешить перестань толпу глупцов,
Не ломай своих картонных шпаг
И не мажь белилами лицо.

Брось кривляться, забавляя тех,
Кто глумится над тобой в ответ.
Брось, паяц! Цена за этот смех
Много выше горсточки монет.

1976

V. «Оставь свои мечты, школяр неугомонный...»

мудрость – в мире нет древней!
Только мёртвые дороже
 мне живых на этом свете...
И, быть может, мне осталось
 жить не так уж много дней...

1976

VII. «Дай им счастья, Иисус Христос!...»

Дай им счастья, Иисус Христос
Пусть страданий они не знают.
Пусть идут по дороге грёз
И о прошлом не вспоминают.

А умрут они – призови
И суди их не слишком строго...
Я молю Тебя, Бог Любви,
Пусть легка будет их дорога!

16.12.1973

VIII. «Юноша – поэт, паяц печальный...»

Юноша – поэт, паяц печальный,
Чья улыбка – только лишь игра,
Чья душа живёт в тиши зеркальной

С полночи бессонной до утра;

Юноша в небесном одеянье,
В чьей груди – осколок серебра,
Дай мне твою руку на прощанье,
Юноша, пришедший из Вчера...

1976

Неземная радуга (1976)

*...бог Хеймдалль сторожил Биврёст -
радужный мост, соединявший Небо и
Землю. В те времена, когда ещё жили
боги, радуга была ярче нынешней и
состояла из других цветов
Из древнескандинавского эпоса*

*Посвящается поэту и астрологу
Максимилиану Волошину —
живому*

Вступление («В час, когда в чертогах гроз и звёзд...»)

В час, когда в чертогах гроз и звёзд
Тор и Один сновиденьям внемлют,
Хеймдалль стережёт воздушный мост,
С Неба переброшенный на Землю.

Радужный! Сияющий огнём
Дальних звёзд! Единственный на свете!

Солнечный! Священный (ибо в нём
Не было привычных нам соцветий).

Белизна в нём смешивалась с тьмой,
Серебро – с лиловой нежной тенью.
Пурпурный, лазурный, золотой,
Он, казалось, был из сновиденья!

Тор и Один умерли. Иной
Мир родился в споре волн и ветра.
Люди превратили неземной
Мост – в полоску солнечного спектра...

Но и ныне – где-то в мире звёзд,
В мире снов, которым люди внемлют,
Хеймдалль стережёт воздушный мост,
С Неба переброшенный на землю.

І. Чёрный

(«Чёрный цвет – кошмар дурного сна...»)

Чёрный цвет – кошмар дурного сна,
Чёрный цвет – одежда колдуна,
Чёрный цвет – подола длинных ряс,
Чёрный цвет – монах, молись за нас!

Чёрный цвет – ослепшие глаза,
Чёрный цвет – в полночный час гроза,
Чёрный цвет – на Солнце тень Зимы,
Чёрный цвет – одежда Князя Тьмы.

Чёрный цвет – как голову с плеча,
Чёрный цвет – одежда палача,
Чёрный цвет – стены тюремной твердь,
Чёрный цвет – могила, траур, смерть...

11.10.1976

II. Красный

(«Это – в кромешной ночи – огонь...»)

Это – в кромешной ночи – огонь,
Это – с иконы старинной – конь,
В пальцах тореро – багряный плат,
Это над Мёртвым морем – закат.

Выстрел! Дух, покидающий плоть!
Это – распятый людьми Господь!
Яростный демон ратных побед —
Красный, кричащий, кровавый цвет!

10.10.1976

III. Золотой

(«Летним утром пели птицы...»)

Тень несозданных созданий
В. Брюсов

Летним утром пели птицы
На невидимой стене
Светлый гимн немой царице —
Несказанной Тишине.

И в ответ над миром спящим
И над гладью синих вод
Цветом золота слепящим
Возгорался небосвод.

И, раскрывшись розой чайной,
Лестью птиц опьянена,
Золотой струной случайной
Зазвенела Тишина.

1975–1976

IV. Серебряный («Под сводами тонких серебряных стенок...»)

Н. Гумилёву

Под сводами тонких серебряных стенок
Жила чудака-музыканта игра.
Был в дивной мелодии грустный оттенок
Волшебного цвета мечты – серебра.

Влюблённый, сжимая в ладонях виолу,
Маэстро входил в очарованный круг,
И Дух Чудотворный – серебряный голубь —
Касался крылами взлетающих рук.

Мечты Гумилёва, виденья Вивальди
Сливались в единый серебряный свет.
Конец? Ах, не надо, маэстро! Оставьте!
Играйте! Играйте, хоть тысячу лет!

...Хозяин кому-то продал за бесценок
Шкатулку, а с ней – неземное Вчера.
Был в дивной мелодии грустный оттенок
Волшебного цвета мечты – серебра...

1976

V. Голубой

(«О, девственность голубизны!..»)

О, девственность голубизны!
Цвет моря, неба и свободы,
Лазурные морские воды
И небо ясное весны.

И голубым озарены
Мерцаньем звёзд ночные своды.
О, цвет, что гонит прочь невгоды!
О, девственность голубизны!

10.10.1976

VI. Лиловый

(«О, лиловый цвет...»)

О, лиловый цвет,
Перейди порог,
Цвет прошедших лет,
Пройденных дорог.

Цвет любви моей
И моих невзгод,
Цвет умерших дней
И летейских вод.

Грустный цвет примет,
Странный цвет тревог,
О, лиловый цвет,
Перейди порог.

Предзакатный свет —
Это цвет разлук.
О, лиловый цвет,
Мой последний друг.

10.10.1976

VII. Белый **(«Белокаменные церкви под** **покровом белоснежным...»)**

Белизна – угроза Черноте
Марина Цветаева

Белокаменные церкви
под покровом белоснежным
И дворянка-белоручка

в бальном платье пред окном.
Что там?
То ли облака плывут
в покое безмятежном,
То ли просто хлопья снега
в русском небе голубом.

Белизна чертогов рая —
там, под куполом собора,
Где святая Божья Матерь
с бледным ласковым лицом.
Восковые свечи тают,
их огонь померкнет скоро.
Так угаснет пламя жизни,
в нас зажжённое Творцом.

Но восток уже светлеет.
Исчезают духи злые,
Всю ночную нечисть гонит
белизною дня рассвет.
Белый цвет – угроза мраку,
это цвет моей России.
В нём – Любовь, Надежда, Вера
и невинности обет.

Посвящения друзьям (1976–1978)

Сонет

(«Задуматься, забыться и уснуть...»)

А. Карловскому

Задуматься, забыться и уснуть...
Тревожный жребий горького недуга.
О, сколь печально видеть гибель друга
И быть бессильным руку протянуть.

«В спокойном сне прошедшее забудь», —
Так путника зовёт слепая вьюга,
И на дорогах замкнутого круга
В далёкие пределы долог путь.

И долог сон. Но если много лет
Продлится он, однажды яркий свет
Увидишь ты. То будет пробужденье.

Ты сможешь быть счастливым и любить,
А я... я напишу стихотворенье:

«Прощайте все, прошу меня забыть».

Апрель 1977

Максиму Блоху
(«Мой друг – великий
мастер-ювелир...»)

Мой друг – великий мастер-ювелир
(Стекла в сапфир чудесно превращенье!),
И светлых снов ему подвластен мир,
И тайна слов волшебных совмещенья.

Печален дух, чей жребий – вечно жить
В заоблачности собственных сомнений.
Мой друг – поэт, мечтающий сложить
Прекраснейшее из стихотворений.

Апрель 1977

Марине Абрамовой
(«...И нет дороже ничего...»)

...И нет дороже ничего
Мне слов прощанья и прощенья,

И слёз, блеснувших на мгновенье
В глазах. Быть может – оттого,

Что жизнь моя всегда была
Полна тревоги расставанья,
Безмолвных слёз с Добром прощанья
И тихих слов прощенья Зла.

26.10.1976

Лоре Светлице («Я уезжаю в Коктебель...»)

Я уезжаю в Коктебель,
И, Вас надолго покидая,
Стихи о хладном сердце Кая
Твержу. И, словно колыбель
Качаясь, поезд мой несёт
Меня к восьмому чуду света,
Туда, на родину поэта,
Чья тень в моём Вчера живёт.

Я уезжаю. Но со мной
Ваш неразлучен облик нежный,
И в той стране, где Понт безбрежный
Ласкает каждую волной
Пологий берег, в тишине

Ночной Вы будете мне сниться.
Черты лица, глаза, ресницы
Далёкой Музы в дивном сне
Увижу я. И на устах
Стихи появятся нежданно
О Вас, о чуде несказанном
И о царевне Танах.

Август 1976 – март 1977

Евгению Нестерову³ **(«Неразвенчанное чудо...»)**

Неразвенчанное чудо
Неземной любви – Храм
Прощения Иуды
Спасом-на-Крови.

Храм прощенья... Ночью снежной
Веровать в весну
И в земной юдоли грешной,
Отходя ко сну,

Не принять соблазна блуда,

³ Следом за этим стихотворением в цикле стояла «Элегия для Алейникова», которая с незначительными изменениями вошла в рукописную книгу «Бумажный Парфенон».

Мир благословив...
Неразвенчанное чудо
Неземной любви.

13.12.1976

Прощание **(«Прощайте, mademoiselle.** **Замкнулся круг...»)**

Л. В.

Прощайте, мадмуазель Вероника!
Иосиф Бродский

Прощайте, mademoiselle. Замкнулся круг.
Внемлите же теплу последних слов:
Пусть никогда Ваш будущий супруг
Вам не читает вслух моих стихов.
И пусть полузабытый облик мой
Не оживает в Ваших светлых снах,
И пусть ещё над Вашей головой
Не меркнет Солнце в вечных небесах.

Прощайте, lady. Гордости назло
Пишу Вам – в первый и в последний раз.
Пусть будет Вам уютно и тепло

Средь близких и друзей в вечерний час.
Пусть Ваши дети помнят наизусть
Стихи Марины – и грустят о ней...
И пусть ещё святое слово «грусть»
Звучит для Вас, как память прежних дней.

Прощайте, госпожа. Из дальних стран
Не шлите писем: некому читать.
С Людмилою не венчанный Руслан
Искать любви отправился опять...
Прощайте же. И пусть не боль разлук
Коснётся Вас – но радость нежных слов.
...И пусть ещё Ваш будущий супруг
Вам не читает вслух моих стихов.

Сентябрь 1976

Дон Жуан (1977)

*...не было у Дон Жуана
Донны Анны
Марина Цветаева*

Памяти Е.М.

I. «Здравствуй... я люблю тебя... прощай...»

Здравствуй... я люблю тебя... прощай...
Неизбежность встречи – и прощанья.
И меж ними – словно обещанье —
Свет любви, зажжённый невзначай.

Если ты влюблён – не обещай
Вечности в любви: она не вечна.
Как ни грустно, счастье – быстротечно:
«Здравствуй... я люблю тебя... прощай...»

Апрель 1977

II. «Право, это слишком странно...»

Право, это слишком странно...

Сновиденье? Бред?

Я искал Вас, донна Анна,

Много долгих лет.

Ради Вас и в жарких странах,

И в краю снегов

Побеждал я, донна Анна,

Множество врагов.

Отблеск Ваших черт прекрасных

Я искал в других.

Песнею надежд напрасных

Стал мой нежный стих.

Я искал... И вот – неожиданно

Вы – передо мной.

Донна Анна, донна Анна,

Вы всему виной!

Время счастья – быстротечно,

В небе тает дым...

Донна Анна, будьте вечно

Счастливы – с другим.

7.01.1977

III. «Лунный путь привёл меня к тебе...»

Лунный путь привёл меня к тебе.
Ты сказала: – Здравствуй, мой избранник,
Я давно ждала тебя, о странник,
Мне суждённый в тайной ворожке.

– Лунный путь велик, – ответил я, —
Тень моя тебе уступит место,
Мне Луной суждённая невеста,
Здравствуй, наречённая моя.

Лунный путь светился в серебре,
И, сверкая тонкими лучами,
Улыбались звёзды вместе с нами,
Прежде чем погаснуть на заре.

1977

IV.⁴ «Восторженность уходит от меня...»

Восторженность уходит от меня,

⁴ Впоследствии это стихотворение было включено в рукописную книгу «Бумажный Парфенон».

Как лучший друг уходит – не прощаясь.
Земля, вокруг своей оси вращаясь,
Уносит тень растаявшего дня.

Под каменным мостом течёт вода,
Потеряна давно дорога к дому...
И от меня – как женщина к другому —
Восторженность уходит – навсегда.

Апрель 1977

V. «Вереница милых лиц...»

Вереница милых лиц,
Лица – без конца...
Им – свет девичьих светлиц,
Мне же – свет Лица.

Сердце лечит только яд,
Греет только дым...
...Донна Анна, говорят,
Счастлива – с другим.

1977

VI. «Что же делать, девочка! Луна...»

Что же делать, девочка! Луна
Ныне вновь зовёт меня в дорогу.
За меня на сон грядущий Богу
Помолись, «ничейная» жена.

Что же делать, девочка! Печаль
Вновь меня уводит прочь от счастья.
Мне сжимает пленные запястья
Цепь Судьбы – безжалостная сталь.

Что же делать, девочка! Стена
Непреодолима между нами.
Серебрясь холодными лучами,
В дальний путь зовёт меня Луна...

1977

VII. «Здравствуй, я люблю тебя, прощай...»

«Здравствуй, я люблю тебя, прощай...»
Неизбежность встречи – и прощанья.
И меж ними – словно обещанье —

Свет любви, зажжённый невзначай.

Если ты влюблён – не обещай

Вечности в любви: она не вечна.

Как ни грустно, счастье быстротечно:

«Здравствуй... я люблю тебя... прощай...»

1977

Забутые восьмистишия (1977)

I. «Царевна Несмеяна умерла...»

«Царевна Несмеяна умерла», —
Сказал мой друг с оттенком сожаленья.
И эта весть легла на Солнце тенью,
И мир сокрыла горестная мгла.

И лишь слова на тоненьких листах
Бумаги знали истину обмана.
«...А умерла царевна Несмеяна, —
Добавил друг, – с улыбкой на устах».

Май-июнь 1977

II. Немон⁵ («Имени страннее нет. Небрежность...»)

Имени страннее нет. Небрежность

⁵ Георгий Немон (Nemo N) – юношеский литературный псевдоним Георгия Мосешвили.

Взмаха – и удар копья разящий.
Немон – значит ненависть и нежность.
Некто N. Немой. Не-говорящий.
Некто N. Не-зримый. Не-весомый.
Не-земной. Да был он или не был?
Демон, верой в Господа ведомый,
Молния, ударившая с неба.

12.01.1977

III. «Бейте в набат, христиане!..»

Бейте в набат, христиане!
Мир умирает во мгле.
Жребий смертей и страданий
Выпал российской земле.

В душах Господних созданий
Отблеск надежды угас.
Бейте в набат, христиане:
Близок неведомый час!

Март 1977

IV. «Я верю: завтра будет новый день...»

Я верю: завтра будет новый день,
И Солнца луч сквозь облака пробьётся.
По улицам столицы разольётся
Твоё благоухание, сирень.

Исчезнет ночи пасмурная тень,
И птичья стая в небеса взовьётся,
И город мой, проснувшись, улыбнётся.
Я знаю: завтра будет новый день.

1.09.1977

V. «Вот мнения о сущности примет...»

Вот мнения о сущности примет:
Есть люди, им подвластные.
Иные, Напротив, говорят: приметы – бред.
...Незрячие – одни, а те – слепые.

Подчас Добро не отличить от Зла
И холод лести – от тепла участия.
Подчас приносят счастье зеркала Разбитые.
И горе – сны о счастье.

Июнь 1977

VI. «Мне снилась смерть любимого создания...»

Мне снилась смерть любимого создания
А. Блок

Мне снилась смерть любимого создания.
Явился Божий Ангел предо мной,
И в древний храм, исполненный молчанья,
Он ввёл меня в безлунный час ночной.

Все юноши, влюблённые в создания
Своей мечты, молились там, скорбя.
Был траур. Были свечи, отпеванья
И гроб, в котором не было – тебя.

Июнь 1977

VIII.⁶ «Я превращу весь мир в волшебный сад...»

Я превращу весь мир в волшебный сад.

⁶ Под номером VII стояло стихотворение «Из карточной колоды на песке...», впоследствии включенное автором в рукописную книгу «Бумажный Парфенон», а затем опубликованное в книге стихов «Неизвестность».

Деревьям дам я вечное цветенье,
И музыку заменит птичье пенье
И нежный звон невидимых цикад.

Я улыбнусь – и явью станут сны,
И век чудес на землю вновь вернётся,
И осень златоликая сольётся
С ликующею зеленью весны.

Март 1977

IX. «...И за все признанья на бумаге...»

...И за все признанья на бумаге,
И за все бессонные огни
На каком ещё Архипелаге
Суждено нам кончить наши дни?

Грозный рок, куда же ты нас гонишь?
К смерти ли... страшной которой нет?
Но ГУЛаг, Елабуга, Воронеж
В наших душах – с юношеских лет.

1977

Я выдумал тебя, царица Несмеяна,
Поверив в то, что ты – не выдумана мной.

Май 1977

ХII. «Вам, враги мои, вам, коими гоним...»

Вам, враги мои, вам, коими гоним
Каждый, не вернувшийся в Сегодня,
Вам, смеявшимся над именем моим
И над верой в свет Любви Господней,

Вам, не принимающим меня,
Слугам всех приказов и капризов
Я, поэт Потерянного Дня,
Вам бросаю сей надменный вызов.

Июнь 1977

ХIII. «Я – маг, превращающий в чёткие строчки...»

Я – маг, превращающий в чёткие строчки
Тревогу и ревность, любовь и печаль,

Неистовый Демон в земной оболочке,
Чей взор беспощаден и нежен – как сталь.

То раб Люцифера, то Ангел Господний,
Я льда холоднее и жарче костра.
Я – маг, превращающий ваше Сегодня
В волшебную сказку о вечном Вчера.

Март 1977

XIV. «Люди из Сегодня! К вам храня...»

Люди из Сегодня! К вам храня
Нежность в сердце, я не жду ответа.
Я прощаю вас. Прими меня,
Светлая река забвенья – Лета.

Но однажды – на исходе дня
К вам в сердца войдёт лучами света,
Песней предзакатного огня —
Грусть сентиментального поэта.

Январь-февраль 1977

XV. «Ты мне чужда, прекрасная страна...»

Ты мне чужда, прекрасная страна,
Земля царя-строителя Давида.
О, Грузия! Неверная жена
Востока – легендарная Колхида.

Люблю тебя. Но мне не суждена
Взаимность – ибо счастливы другие.
А я... Увы, мне так же неверна
Моя *чужая родина* – Россия...

Июнь 1977

Георгий Немон Бумажный Парфенон Стихи 1977–1978

*Елене Кричевской,
Владимиру Алейникову
и Солнцу*

*Нам с музыкою легче на земле,
А в небе с нею – свита Аполлона...
Владимир Алейников. «Стансы к Елене»*

I. Элегия для Алейникова («Задумчивый паук...»)

*Кукушка о своём, а горлица о милом...
Владимир Алейников*

Задумчивый паук
Чуть трогает струну —
И тишина звенит

в озябших пальцах ветра.

И этот чистый звук,
И эту тишину

Не втиснуть в Парфенон
классического метра.

Не втиснуть – замкнут круг.
Над заревом печным
Взлетают угольки и, опускаясь, гаснут.
Задумчивый паук
Узором кружевным
Соткал сплетенье слов
«прекрасно» и «напрасно».

И ветер тишину Похоронил в золе,
Бумажный Парфенон
стал пепельной могилой.
И камень шёл ко дну,
Металл ржавел в земле...
«Кукушка о своём,
а ветер – всё о милой»...

Не плачь, мой милый друг,
Влюблённый в тишину,
Внемли сплетенью слов
классического метра.
Прикосновеньем рук
Я трогаю струну —
И снова тишина звенит в ладонях ветра.

Октябрь 1977

II. Письмо к моему костюму⁷ («Я пишу тебе письмо...»)

Я пишу тебе письмо,
Старый друг.
Тяжек нам с тобой, jumeau⁸,
Путь разлук.
Без тебя я и безног
И безрук —
Как объединный туземцами
Кук.

Ты один меня простишь
И поймёшь.
Ты, как женщина, к другим
Не уйдёшь.
Не предашь меня, как друг,
Не пропьёшь.
Как Иуда, не продашь
Ни за грош.

Я немного пьян, но ты
Не взыщи.

⁷ Впоследствии это стихотворение было включено автором в задуманную им книгу «Стихи из Времени».

⁸ Близнец (франц.).

Что за жизнь – носить пальты
Да плащи,
Спать в тиши, глотать лапши,
Да борщи.
Лучше сразу – камень в лоб
Из пращи.

Я пишу тебе, mon vieux⁹,
Старина.
За окном лишь вороньё
Да луна.
Я б послал тебе в химчистку
Вина —
Да бутылки все пустые
До дна.

C'est la vie. И что уж там,
Где уж нам!
От вчерашних в доме правд —
Смрад и хлам.
Эх, дружище, всё – содом
Да бедлам,
Шерри-бренди, как сказал
Мандельштам.

Июль 1977

⁹ Старина (франц.).

III. Памяти Мандельштама («Я живу у истока...»)

– Это какая улица?

– Улица Мандельштама

Осип Мандельштам

Я живу у истока
Улицы Мандельштама.
В зеркале дня глубоко —
Очертания храма.

Очертания зданий —
Белыми облаками.
Улица очертаний,
Одушевлённый камень.

Одушевлённость стёкол
Окон – и стен строений.
Я живу у истока
Улицы сновидений.

Словно сны, невесомы
Очертания храма.
Жизнь моя, мир мой, дом мой —
Улица Мандельштама.

IV. Nemo N

(«Я бедняга-студент, полунищий сиятельный принц...»)

Я бедняга-студент,
 полунищий сиятельный принц,
 Я последний из хиппи,
 одетый в гирлянду тряпиц,
 Я неведомо кто:
 человек, скорпион¹⁰ или гном,
 Я сегодняшний трезвенник,
 пьяный вчерашним вином.

Я сегодняшний Греттир¹¹,
 слагающий висы¹² врагам,
 Православный, молящийся
 эллинским светлым богам,
 Я глашатай той правды,
 над коей лишь солнечный свет.
 Я неслыханный лжец,
 для которого истины нет.

¹⁰ Скорпион – знак зодиака Георгия Мосешвили, рожденного 17 ноября.

¹¹ Герой исландской саги.

¹² Виса – восьмистрочная строфа в поэзии скальдов.

Я неслыханный выкуп
за стёклышки да угольки,
Я излучина, дельта и я же – течение реки.
Я храмовник без храма,
замок без дверного ключа,
Я бескрылая бабочка и золотая свеча.

Я бескрылый поэт,
император пустынных страниц,
Я последний из хиппи,
одетый в гирлянду тряпиц,
Я случайный прохожий,
стоящий у вас под окном.
Я неведомо кто: человек, скорпион или гном.

1978

V. Елена, нарцисс и зеркало («Добрый день, химеры всех времён!..»)

Добрый день, химеры всех времён!
Я – посланец – ветер, облеченный
Властью – передать вам сей поклон
Низкий – от Нарцисса и Елены.

Новой вестью Века и Числа,

Воскресившей тайные обряды,
Шлют поклон вам низкий зеркала
Древних звёзд немеркнувшей Эллады.

Чуть бледнее тени тишины,
Чуть светлее гимн, что Фебом сложен.
Горестям, что тьмою рождены,
Солнцем на земле предел положен.

Есть под солнцем страны без границ,
Те, к которым можно лишь стремиться,
Где бессмертный юноша Нарцисс
В зеркало Эвксинское глядится,

Где стоит прекрасный Илион
Памятником гордости нетленным.
Есть под солнцем мир, где нет времён,
Кроме вечной юности Елены!

Вечен день! – хвала вам, зеркала!
Вечен свет – и ветру нет преграды.
Я – посланник Века и Числа
Древних звёзд немеркнувшей Эллады.

VI. «Ветер. Ветер над городом листьев...»

Ветер.

Ветер над городом листьев

Светел, как солнце,

Светел и чист

Вьётся.

Листья.

Листья над городом солнца

Стезёю, извилистей,

Чем улица в солнечном свете

Вьётся,

С деревьев слетают.

Солнце.

Солнце над городом ветра

И вольностью листьев.

Они же

Лучистей

Любого из дальних созвездий,

Листья и ветер,

Но солнце всё-таки

Выше...

16.06.1978

VII. «Я хотел бы говорить языком...»

Я хотел бы говорить языком
Старых писем, трав, зеркал, – а потом,
Распрощавшись с двойником на углу, —
Бросить травы да конверты – в золу.

Мне бы камнем, как в окошко – в стекло
Тихой речки, – а потом – за весло!
Всех русалок с водяными вспугнёшь,
А потом – сидишь на лодке и ждёшь...

Мне склониться бы к нарциссу в саду
И шепнуть ему: «Эй, how do you do?
Чай далече до Эллады, поди,
На уж зеркальце, бедняга, гляди...»

А ещё – имею прихоть сказать,
Что погоду бы желал заказать
На сегодня: дождь, жара и мороз!
...А потом – пусть составляют прогноз...

И последнее желанье, мой друг.
Я хотел бы, став в магический круг,
Перенести под Петербург – Ленинград.
...А потом – пусть ищут, кто виноват!..

VIII. Nature Morte

(Элегия для Бориса Пти¹³)

(«В оттаявших зеркал голубизне...»)

В оттаявших зеркал голубизне
Застыло Петербурга отраженье.
И воздуха малейшее движенье
Туманит амальгаму на стекле.

В старинном стуле всё жива душа
Под твёрдой оболочкой деревянной.
Есть бег минут. И вот сосуд стеклянный
На этой тверди замер, не дыша.

Есть бег минут (Быть может – гул веков).
И шум волны ракушечного горла,
И стёкол линз стремление упорно
Бить крыльями умерших мотыльков.

А ножницы такой имеют вид,
Как будто бы молчат о том, что знают.
Здесь всё живёт – и всё здесь умирает.
Так статуя Движения – стоит.

¹³ Пти-Борис – Б.И. Смелов (1951–1998), петербургский фотограф и художник.

И это Nature Morte Бориса Пти.
Still Life¹⁴, а по-немецки как – не знаю.
Пред взором объектива оживает
Любой из знаков – только начерти...

Есть магия исчезнувших примет
Предметов, не зависящих от смерти.
Есть бег минут. И на древесной тверди —
Та музыка, которой больше нет.

Февраль 1978

IX. «Давайте говорить о чём-нибудь простом...»

Давайте говорить о чём-нибудь простом:
О Боге, например, и о стихах Ван Вэя,
О Гайдне, о весне, о солнце и о том,
Что Смерть —
всего лишь час в объятиях Морфея.

О Солнце, о цветах, о птицах, о святом
Франциске, о любви, которой нет светлее.
Давайте говорить беспечным языком
Детей и пастухов из древней Галилеи.

¹⁴ Натюрморт (англ.).

Настанет день —
и мы вернёмся в отчий дом,
О пройденном пути нисколько не жалея.
Давайте говорить о том, что стало сном,
О греческих богах и жертве Прометея.

1978

Х. Письмо к Катуллу («Что там – нечет или чёт...»)

*Праздность, Катулл, наводит мытарства
Катулл*

Что там – нечет или чёт,
Год или година?
Брось, Катулл, безумный счёт:
Лень всегда едина.
Лень, Катулл, всегда влечёт
За собой седины.

Что там – небыль или быль,
Правда или кривда?
Жизнь, Катулл, темна, как стиль
Джонатана Свифта.
Книга – жизнь, а мы – лишь пыль

Меленького шрифта.

Что есть суть и что – пустяк?
Брось, Катулл, тревогу.
Кто нам – друг и кто нам – враг,
Не поймёшь, ей Богу!
Кто мудрец, а кто дурак?
Чёрт здесь сломит ногу!

Хоть дыши, хоть не дыши —
Выживешь едва ли.
Роог Yorick – тень души,
Как заметил Гамлет.
Что ж, прощай, Катулл, пиши!
Всем – поклоны.
Vale!¹⁵

Сентябрь 1977

XI. Отрывок из поэмы («Если нищий равен королю...»)

Если нищий равен – королю,
Если не четыре – дважды два,
Ноль, увы, равняется нулю,
Ибо пустота – всегда жива.

¹⁵ Будь здоров! Прощай! (лат.).

Ибо пустота – извечный круг,
Замкнутый вращением времён,
Ибо тишиною полон – звук,
Полон осязаемостью – сон.

Между словом Да и словом
Нет – Некая незримая черта.
На вопросы вечности ответ —
Цифра ноль – святая простота.

Сколь же он велик и сколь же мал,
Ноль! Экватор? Твёрдая вода?
Ох, Господь, однако, и задал
Нам головоломку, господа!

Не гадайте! – ибо не дана
Человеку истина сия.
В мире существует лишь одна
Формула земного бытия:

Если нищий равен – королю,
Если не четыре – дважды два,
Ноль – всегда равняется нулю,
Ибо пустота – всегда жива.

ХII. Элегия устья реки («Устье реки начинается с греческой буквы...»)

Устье реки начинается с греческой буквы
Дельта, чья верхняя точка – всё тот же исток.
Есть ли различие между реки совпаденьем
С морем, сплетением слов
и скрещеньем дорог?

Эллинских знаков ещё не раскрыто значенье,
Альфа стремится к омеге, как тело – к земле.
Есть ли различье
меж тайнами жизни и смерти?
Дерево вечно – в цветенье, огне и золе.

День, как река, от восхода течёт до восхода.
Полночь сегодня – вчерашнего полдня порог.
Есть ли различие между концом и началом
Рек, если место впадения – всё тот же исток?

Февраль 1978

XIV.¹⁶ Баллада о Британии («В Британии касторка...»)

В Британии касторка —
Напиток, слаще нет.
Там слово look не горько,
А bread – совсем не бред.
Там все пьют кровь со steak'ом,
Там похороны – спорт.
Какой Вам нужен Васон?
Сэр Фрэнсис – высший сорт!

В Британии есть лорды
С фигурами девиц.
В Британии кроссворды
Решают сотни лиц.
Закон там столь удобен,
Что судьи редко лгут.
Какой ещё там Робин
Не Vad, подлец, а Гуд?

В Британии погода
Всегда одна: туман.
В тумане там в два счёта

¹⁶ Под номером XIII было помещено стихотворение «Из карточной колоды на песке...», впоследствии опубликованное в книге стихов «Неизвестность».

Обшарят ваш карман.
Два дула – словно жерла:
Беги, пока живой!
Какой там, к чёрту, Шерлок
Под псевдонимом Дойль?

В Британии есть хиппи
Богаче многих скряг.
Britannia is keeping
Колоть себе some drug.
Лови свой кайф, доколе
Не зазвонит Биг Бен.
Какой там crazy к police
Приставил слово man?

Страна сплошных контрастов,
Страна – страннее нет.
Но в русской тьме нам часто
Британский брезжит свет.
Your Majesty, простите,
Откройте мне секрет:
Как может Ваша Britain,
Такая small – быть Great?!

Август 1977

XV. Сожжённая элегия

(«Стихи горят в сиянии свечи...»)

Стихи горят в сиянии свечи.
Есть письма любви, которой нет
Отныне. Над свечою тает свет.
– Усни, моя надежда, замолчи.

Зачем тревожить сон грядущих лет
И подбирать забытые ключи?
Не изменить движения планет...
Усни, моя надежда, замолчи.

Стихи сгорят, – холодные лучи
Наполнят лёгким воздухом рассвет,
И голос мой промолвит мне в ответ:
– Усни, моя надежда, замолчи.

1978

XVI. Тени

(«Тени, зачем эти тени, кому и когда?...»)

Тени, зачем эти тени, кому и когда?
Тень-понедельник и тени – четверг и среда.

Наши недели – лишь тени сомнительных дней.
И воскресенье одно не имеет теней.

Тени – вокруг. Это тени от них и от нас.
Женские лица – лишь тени накрашенных глаз.
Лица мужчин – что оттенки для зренья слепца.
У прокажённых лишь тень не скрывает лица.

Тени воркуют, как голуби на чердаках.
Тени смеются – старушками в сонных дворах.
Вечные стражи – друзей и любовниц верней,
Тени повсюду. А мы только тени теней.

1978

XVII. Нарцисс **(«Над водой склонился и слегка...»)**

Над водой склонился и слегка
Улыбнулся – за пределы сада.
Ничего мне, Господи, не надо
Кроме взгляда этого цветка.

Крыльями два лёгких лепестка
Приподнял – и птицей за ограду!
Ничего мне, Господи, не надо
Кроме жизни этого цветка.

Мир велик. За садом есть река,
Лес... Куда летишь ты? – Есть Эллада.
...Мне-то ничего уже не надо,
А ему – пусть будет смерть легка.

1978

XX.¹⁷ Хемингуэю **(«Выпьем, Хэмми, виски с содой...»)**

Выпьем, Хэмми, виски с содой,
Виски с содой и со льдом.
Между Крезовой свободой
И Сизифовым трудом

Жизнь проходит, как в казарме,
И звонит – to you and me —
Колокол. Эй, кто там! Бармен!
Виски с содой, чёрт возьми!

Июль 1977

¹⁷ Под номером XVIII стояло стихотворение «Коктебельская элегия», впоследствии опубликованное в книге стихов «Неизвестность». Под номером XIX – стихотворение «Восторженность уходит от меня...», которое вошло в цикл «Дон Жуан». Стихотворение «Хемингуэю» автор впоследствии включил в книгу «Стихи из Времени».

XXI. «Что там толку в ваших бреднях...»

Что там толку в ваших бреднях,
Арлекин или Пьеро?
Искажают кражи, сплетни
Мандельштамово перо.

На ахматовские строки
Подбираются лады,
Ритмы, свинги, джазы, роки
И – «Смятения» следы.

И не мысленно, Волошин
(И в помине мыслей нет!),
Всяк незван и всяк непрошен
В Ваш же входит кабинет.

Ходят сплетни, ходят слухи
В Петербурге-городке
О каком-то «пленном духе»
С белым голубем в руке.

Так сплетают паутину.
Те – безгласны, те – мертвы.
«Ах, Марина, ох, Марина!
Эх... Елабуга... увы...»

В свете солнца, в свете лампы,
Contra – днём, а ночью – pro,
Оскверняют «мандельштампы»
Мандельштамово перо.

Июль 1977

XXII. Марина Цветаева **(«Моя влюблённость мне близка...»)**

*Марина в семнадцать лет в 1909 году
пыталась застрелиться в театре на роستانовском
«Орлёнке»...*

А.И. Цветаева

Моя влюблённость мне близка,
И нет иных подруг.
Зачем тебе тоска, мой друг,
Зачем тебе тоска?

Я вижу тонкие черты
Лица – и чуткость рук.
Зачем тебе мечты, мой друг,
Зачем тебе мечты?

Моя душа ещё жива,
Но нет иных порук.
Зачем тебе слова, мой друг,

Зачем тебе слова?

Моя влюблённость столь легка,
Что нет ни слёз, ни мук.
...Лишь холод у виска, мой друг,
Лишь холод у виска.

19.07.1978

XXIII. Новогодняя элегия («О, ночь моя – печаль испепелённой тьмы...»)

О, ночь моя – печаль испепелённой тьмы!
Снежинок над Москвой серебряная стая.
О радости тепла и горестях зимы
Ты, ночь моя печаль, лепечешь, замерзая.

Распахнут звёздный плащ. Героям и богам
Родиться суждено из недр бездонной ночи.
О, ночь моя печаль, ты строишь снежный храм,
Твой чёрный купол тьмы Луною позолочен.

Владычица теней, сокрывших круг земной,
Из мира пустоты, из времени разлуки,
О, ночь моя печаль, над нежной белизной
Я к вечности твоей протягиваю руки.

1977–1978

XXIV. Элегия к прекрасной Елене («К июньскому утру Гефеста огонь вознесён...»)

К июньскому утру Гефеста огонь вознесён,
Богиня любви Афродита
 рождается в ласковой пене
Эвксинского Понта,
 а ночи угрюмые тени, —
Поёт Одиссей, —
 исчезают, как горестный сон.

Начало июня есть время бессонных ночей,
А утром лазурь облачается вновь
 в белоснежное платье,
И кажется, что облака раскрывают объятия,
Снимая заклатья
 с запретных плодов и речей.

Хвалой Аполлону звенит восхищённая медь
Спартанских щитов:
 Менелай возвращается
 с вестью о мире,
И платье белее, чем облако, тает в эфире.

Елена Прекрасная, Трое не надо гореть!

Пусть Зевс-громовержец,
царевна,
хранит твой покой.

Богиня любви Афродита
развеет все страхи измены.

Начало июня – рождение прекрасной Елены.

Елена Прекрасная,
счастье – да будет с тобой.

1978

XXV. «Господа иудеи, гвардейцы и древние греки...»

Господа иудеи, гвардейцы и древние греки,
Возвращаю вам острые гвозди,
рапиры, мечи,
Возвращаю и вам топоры, господа палачи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.